

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

16–18 ИЮНЯ 2011

КОГДА ПОЯВЯТСЯ НОВЫЕ «БИТЛЗ»?

Технологии, расширяющие горизонты

17 июня 2011 г. — 17:30–18:45, Мерседес-Бенц STARBAR

Санкт-Петербург, Россия

2011

Творческое заикливание, застой в музыкальных технологиях, проблемы защиты прав интеллектуальной собственности, доминирование продюсеров над артистами, маркетинга над творчеством — это лишь малая часть проблем, мешающих развитию глобализации и многополярности музыкального рынка.

Модератор:

Артемий Троицкий, Российский рок-журналист, музыкальный критик

Выступающие:

Питер Дженнер, Продюсер, музыкальный менеджер, экс-менеджер «Пинк Флойд» и «Клэш», приглашенный профессор по музыкальной культуре и экономике индустрии развлечений

Алексей Козин, Генеральный директор, Navigator Records

Анастасия Курехина, Продюсер, художественный руководитель, Центр современного искусства

Тим Реннер, Генеральный директор, Motor Entertainment GmbH

Участник дискуссии:

Кевин Лори, Президент, Sony Music в Европе и Африке

А. Троицкий:

Добрый вечер, дорогие друзья, коллеги, леди и джентльмены. Добро пожаловать на одну из «десертных» сессий сегодняшнего дня Санкт-петербургского экономического форума. Я думаю, послушали много всяких серьезных вещей — теперь можно немного отдохнуть.

Добро пожаловать в «подполье» Экономического форума для хиппи и рокеров! Настало время поговорить о вещах, гораздо более важных, чем мировая энергетическая и нефтяная промышленность.

Девиз форума — это новые лидеры для новой эры. Сегодня мы будем говорить не столько о новых лидерах, сколько о новых «лузерах». И, похоже, в качестве такого «лузера» в новую эру оказалась такая прекрасная гламурная штука, как популярная музыка. вспомните, что было двадцать, тридцать, сорок лет тому назад. Поп-музыка была абсолютной хозяйкой всего. Она формировала молодежный рынок, она диктовала моду. Пластинки продавались сотнями миллионов. Владелица душ и хозяйка карманов — вот что такое была поп-музыка во второй половине XX века.

Сейчас ситуация, к сожалению, несколько иная. Все, кто имеет серьезное отношение к современной популярной музыке, так или иначе, недовольны ситуацией. Капитаны индустрии, рекорд-лейблы, в первую очередь, дистрибьюторы, ритейлеры жалуются на крайне низкий уровень продаж и низкий уровень доходов, а вернее высокий уровень денежных потерь. Артисты, особенно известные артисты, авторы, композиторы жалуются на то, что пираты в Интернете воруют их законные авторские права, и тоже недосчитываются большого количества денег. И наконец, огромное количество тех, кто имеет отношение к поп-музыке, а именно мы, слушатели, поклонники талантов, тоже находятся в довольно раздраженном ворчливом настроении, говоря, что раньше музыка была хорошая. Кому нравятся 60-е, кому 70-е, кому 80-е. Раньше было хорошо, был Элвис, были Led Zeppelin, были Beatles. А сейчас ничего такого нет.

В общем, вся популярная музыка находится в состоянии перманентной фрустрации. И вопрос в том, сможет ли она из этого «лузерского» состояния выйти, и если сможет, то каким образом. Может быть, наша дискуссия поможет решить все эти проблемы и выработать новую стратегию для мировой популярной музыки.

Прежде чем мы поговорим о путях выхода, я бы хотел, чтобы наши эксперты сказали несколько слов о том, что привело к тому достаточно жалкому состоянию, в котором поп-музыка находится сейчас. Я лично придумал три сценария.

Сценарий первый — что музыка кончилась точно так же, как в свое время кончилась история у историка Фукуямы. То есть нот всего семь, и во всех возможных комбинациях эти ноты уже расставили. Все, что могло быть открыто в музыке, уже открыто. Все стили испробованы. Все звучания, все аранжировки, все приемы — все уже было, и ничего нового не осталось. Инновационный потенциал музыки исчерпан. Косвенным подтверждением этого тезиса может служить то, что действительно, если мы посмотрим на поп-музыку последних пятнадцати лет, то, в общем-то, ничего принципиально нового мы там не найдем. Пожалуй, последними наиболее яркими открытиями были всяческие радикальные направления клубной музыки конца 80-х — начала 90-х годов: техно, хаус, драм-н-бейс, транс и так далее. После этого — какие-то ретро-стили, сплошное повторение.

Вариант номер два — виновата не музыка, виновата политика фирм грамзаписи и вообще политика шоу-бизнеса. Почему? Потому что рекорд-лейблы, продюсеры и продюсерские центры вместо того, чтобы инвестировать именно в музыку, в талантливых артистов, работать с ними, продвигать какие-то новые экспериментальные направления, сделали ставку на звезд-однодневок, которые путем навязчивого маркетинга очень быстро делаются звездами, продают большое количество пластинок среди крайне невзыскательной публики, после чего исчезают. В результате

вместо настоящих талантливых музыкантов в последние десятилетия мы получили всяких «бритниспирс», «димбиланов» и тому подобные музыкальные проекты. А теперь все эти «экс факторы», «фабрики звезд» и прочее. Это, с одной стороны, портит вкус молодежи, причем просто катастрофически. С другой стороны, это подрывает вообще доверие к хорошей качественной музыке как таковой. Все это трепетное отношение к музыке, культ музыки, который существовал в 50-е, 60-е, 70-е годы, куда-то уходит, музыка становится просто очередным коммерческим предприятием. И наконец, сценарий номер три, самый масштабный, и я назвал бы его цивилизационным. Может быть, все виды искусств, в том числе и развлекательный вид искусств, проходят какую-то ротацию. И музыка была «на коне» в течение нескольких десятилетий. Она была невероятно важна, а потом естественным образом уступила место чему-то еще. Чему, мне, правда, не очень понятно. Неужели это компьютерные игры или мультимедиа, или экстремальные виды спорта? Не знаю. В общем, музыка просто стушеввалась в результате каких-то мощных цивилизационных изменений, которые могут иметь отношение к чему-то социальному, экономическому, общекультурному, психологическому.

Очень может быть, что есть и другие версии музыкального кризиса. А может быть, имеет место комбинация различных сценариев. Я хотел бы, чтобы наши эксперты высказались по этому поводу. Первым делом я хотел бы предоставить слово Питеру Дженнеру, человеку в высшей степени опытному, одному из легендарных музыкальных менеджеров. Достаточно сказать, что он был первым менеджером лучшей психоделической группы всех времен Pink Floyd и также первым менеджером лучшей панк-рок группы всех времен, а именно Clash. Питер Дженнер.

П. Дженнер:

Здравствуйте. Я встретился с Артемием, в Ленинграде, 25 лет назад, когда здесь все было очень интересно.

А. Троицкий:

Когда мы были еще детьми.

П. Дженнер:

Если Вы имеете в виду меня, то я был уже взрослым мальчиком.

Итак, я набросал несколько слов, и посмотрим, складно у меня получится или нет.

Первое, что я записал — это глобализация. Второе — маркетинг и корпорации, получение краткосрочной прибыли. Третьим номером стоит жадность исполнителей и компаний. Четвертое — это поп-музыка как карьера, а не помешательство. Пятое — это то, что можно сравнить с известными Вам нефтяными скважинами. Их запасы истощаются, и, возможно, наша скважина тоже истощилась. И последнее, положительный момент состоит в том, что все это возвращает нас в настоящее «подполье». Как-то уж слишком много «мейнстрима».

Ну как, пойдет? Вроде коротко и по теме.

А. Троицкий:

Я предлагаю Вам расшифровать все эти записи.

П. Дженнер:

Предлагаете мне сделать расшифровку?

А. Троицкий:

Да, всех этих интересных вещей, которые Вы упомянули.

П. Дженнер:

Ладно. Глобализация, на мой взгляд, — это тирания международных корпораций, которые вытеснили или, скорее, поглотили предпринимателей, у которых было свое твердое мнение по поводу того, кто может стать интересным исполнителем. Так что «Крисы Блэквеллы», «Джеки Хольцманы» и все те люди, которые открыли для нас столько первоклассных выступлений и музыкантов в 60-х, 70-х и 80-х, почти все они сейчас поглощаются крупными корпорациями, и их творческая оригинальность выжимается для удобства сведения дебета с кредитом. Бухгалтеры и новые MBA, знаете, с дипломами магистра бизнес-администрации, все эти магистры и юристы...

В музыку надо идти, потому что душа рвется, чтобы ощутить дух времени, его веяние. А если вы юрист или бухгалтер и делаете оценку только на основании того, что ожидаете увидеть в графе «прибыль», то вы не правы. Я, к примеру, в последние годы пришел к выводу, что чем больше у руководства крупных рекорд-лейблов соблазн подписать исполнителя, тем быстрее они канут в Лету. Чем меньше начальный интерес, тем больше шанс того, что что-то выгорит. Это будет гораздо труднее, но у вас может получиться что-то стоящее.

Все это предсказуемо ведет к тому, что корпорации, которые все поглотили, ужесточают маркетинг; корпорациями управляют топ-менеджеры, которых интересует краткосрочный отчет о прибылях и убытках и их премиальные. Все сводится к тому, чтобы получить нужные квартальные показатели и полагающиеся тебе премиальные. В такой ситуации менеджер не заинтересован развивать чьи-то карьеры.

Люди, которые владеют звукозаписывающими компаниями, заинтересованы развивать исполнителей. Люди, которые работают в крупных корпорациях,

заинтересованы в результатах следующего квартала. Таким образом, получается «прибылизм», и это большая проблема.

Я думаю, что музыкантов, компании, менеджеров, и таких людей, как я, все больше затягивает игра с деньгами, с целью заработать какую-то нереальную сумму из ничего. Если вам повезет, вам скажут «да». Если не повезет, вы можете попросить немного меньше денег.

А вообще, люди начинают приходить в музыкальный бизнес, чтобы стать знаменитыми или заработать денег, а не потому, что они, может, глупо, как я, думают: «Почему бы нет? Давайте попробуем, будет весело. Это все-таки искусство, дело творческое».

Такие мысли не будут вас посещать, если вы выбираете карьеру, и это можно пронаблюдать в Великобритании, где в последнее время появилось много выпускников с дипломами по управлению в музыкальной индустрии. Люди получают диплом для музыкального бизнеса! В некотором смысле даже жаль, что таких программ не было, когда я начинал. Но я думаю, что все зашло слишком далеко и не в ту сторону.

Я думаю, что мы исчерпали источник, исчерпали нефтяную скважину искусства, о которой мы упомянули — создается такое впечатление, что они переигрывают старые песни снова и снова. Недавно, пару дней назад, перед приездом в Англию, меня подвозил зять, и я услышал по радио песню, Слушаю песню: «Эй, это же “Lola”». «Нет, это не она». «Это была какая-то песня кого-то другого». Но она звучала точно, как «Lola», которую написали The Kinks.

А. Троицкий:

The Kinks.

П. Дженнер:

Да, точно такая же песня. Я слышал буквально пять тактов. Это была «Lola». «Нет, нет, нет. Это была новая песня нового популярного исполнителя», кто бы то ни был. Мы почти дошли до дна колодца, понимаете? Ну кто хочет слушать бесконечные группы с двумя гитарами, басом, ударными, вокалистом, мужчиной или женщиной, скулящими о своей личной жизни? Я думаю, что ответ на этот вопрос — никто. Очевидно, многим это еще интересно, но их не так много, как раньше.

Поэтому я совершенно серьезно сказал, что нужно вернуть чувство протеста и уйти в «подполье». Возможно, поскольку в России все больше развивается конформизм и желание вписаться в экономическую модель Америки и Запада, мы можем в ответ на это быть более «андеграундными», более резкими, может, и пара-тройка людей будут за это арестованы.

А. Троицкий:

Я надеюсь, что вы все поняли. Питер, в основном, винит в теперешней музыкальной ситуации музыкальный бизнес, который сделал ставки на быстрый доход и музыкальный фаст-фуд. Люди стали заниматься музыкой не из желания самовыразиться или влипнуть в какое-то прекрасное приключение, или сделать еще что-нибудь идеалистическое, а для того, чтобы сделать в музыке карьеру, заработать денег и так далее. Понятное дело, что такая мотивация — это не совсем творческая мотивация, и это не может не сказываться на конечном результате. Я уверен, что есть противники этой точки зрения, и, в частности, я хотел бы представить сотрудника Sony Music Кевина Лори.

К. Лори:

Спасибо, Арт. Да, есть много о чем поразмышлять, и я должен согласиться с Питером в том, что слишком часто краткосрочные интересы людей,

заинтересованных в цифрах и нулях, привели к близорукости в том, что касается музыки.

Я действительно верю, что «новые Битлз» (если так можно выразиться, так как может быть некорректно называть следующего выдающегося исполнителя «новые Битлз») — это подросток из России, которому сейчас может быть 16 лет, который обратится к своему поколению так, как не сделал никто другой. Этот молодой парень или девушка нуждается в поддержке, им нужно надежное окружение, которое поддержит их карьеру.

Откровенно говоря, крупные звукозаписывающие компании, да и рекорд-лейблы вообще, за последние 50 лет не особо преуспели в создании доверительных и четких отношений. Из-за этих ошибок компании были принижены и поставлены на колени перед жестокой действительностью, в которой, если вы не предоставляете «прозрачные» услуги в новой демократичной системе распространения, вас отодвинут в сторону. От вас будут отмахиваться. С вами не будут иметь дела.

Фактически, сегодня у крупных рекорд-лейблов нет никакого контроля и механизмов сдерживания интернет-экономики. Откровенно говоря, это должно послужить своего рода освобождением, новой струей для музыкантов и творческих людей. В то же время у всех присутствующих в этой комнате и у крупных рекорд-лейблов появилась новая работа — занять новую позицию, которая не требует быть вечным цербером чьей-то жизни. Каждый, скорее, должен представить себя поставщиком услуг, которые помогут нашему 16-летнему российскому подростку лавировать в бизнесе, защитят его от людей, которые неправомерно воспользуются его произведением для рекламы «Кока-Колы» через какой-нибудь интернет-портал.

Этот подросток также должен получить поддержку людей со связями, таких как Арт, которые смогут критиковать его музыку, смогут слушать,

рекомендовать и представлять его другим людям в России и за рубежом, чтобы русские «Битлз» или Моцарт стали реальностью.

Так что я думаю, для всех нас жизненно важно сделать шаг назад и подумать о таких услугах и о том, какую реальную ценность они представляют. Я, конечно, согласен с Питером, что во многих случаях мы, крупные рекорд-лейблы, не сделали себе чести в том, как мы себя вели, как мы преподносили наш сервис и с каким высокомерием мы вели дела.

Я могу сказать, что в маленьком мире, где я вращаюсь, все совершенно изменилось. Мы все абсолютно точно очень-очень быстро останемся без работы, если не будем предоставлять этим будущим талантам актуальные на рынке услуги.

В бизнесе происходят интересные вещи. Лично я считаю, что мы, возможно, на пороге новой Золотой эры в музыке. Есть такие невероятно привлекательные порталы, как Spotify, Deezer и тому подобные, которые почти моментально обеспечивают доступ к практически любому когда либо написанному музыкальному произведению. Так что будущие музыканты, наши новые «Битлз», могут без помощи рекорд-лейблов самостоятельно распространять свою музыку по всему миру через подобные веб-сайты.

Затем возникает вопрос, как сделать так, чтобы тебя заметили в этом море музыки и потенциальной коммерции? Какие люди, какие средства вам понадобятся, чтобы наладить связи с теми, кто сможет критически оценить ваше искусство? Кто сможет представить его в правильном свете и именно так, как хотите этого вы, а не через какой-то веб-сайт или телепрограмму, или как посчитает нужным какой-нибудь менеджер?

Прежде чем я закончу, хочу донести еще одну мысль и сказать, что мы предполагаем, что в Швеции из-за сайтов, подобных Spotify, к 2014 или 2015 году у нас абсолютно точно будет равноценная альтернатива той индустрии, которая существовала еще пару лет назад. Благодаря этой системе теперь существует новая схема вознаграждения творческих людей

за их произведения. Это открыло нам глаза на будущее и позволило поверить, что у музыкальной индустрии может быть более светлое будущее, чем мы когда-либо себе представляли. Я лично убежден, что оно наступит.

То, какую роль в этом будут играть крупные или независимые рекорд-лейблы, будет очень сильно зависеть от качества предоставляемых ими услуг, так как в нынешней «цифровой нирване», и причем, очень демократичной, все преграды сломаны. Если вы неактуальны, ведете «мутную» политику в отношении своих музыкантов, вас отодвинут в сторону; если вы предоставляете доверительный, привлекательный и ценный сервис и обращаетесь с людьми по-человечески — ваши обороты будут нарастать.

А.Троицкий:

Спасибо, Кевин. Вы видите, что Питер был критичен, Кевин был самокритичен. Питер был пессимистичен, Кевин был скорее оптимистичен. При этом оба согласились с тем, что управлять музыкой по-старому нельзя, система не прозрачна. И что мне было особенно приятно услышать — это то, что наши иностранные гости сделали реверанс в сторону России по поводу того, что следующая большая музыка вполне может быть из России хотя бы потому, что на самом деле нынешняя, как выразился Кевин, «цифровая нирвана» дает всем доступ повсюду.

Сейчас я хотел бы предоставить слово Алексею Козину, коллеге Кевина Лори из русского рекорд-лейбла Navigator Records, чтобы он высказался по тем же самым проблемам.

А. Козин:

Я боюсь, что все проблемы охватить не смогу. На что хотелось бы обратить внимание: да, в музыке кризис, но природа кризиса в музыке в России и

природа мирового кризиса немного разные, они просто совпали по времени. Россия имеет целый ряд особенностей музыкальной индустрии, с которыми цивилизованный мир справился. И по большому счету, полноценная индустрия звукозаписи в России не существовала. К сожалению, это так. Есть компании, которые управляют правами, есть компании, которые издают музыку. Сегодня умер носитель — то, за счет чего жили и зарабатывали и пираты, и легальные дистрибьюторские компании, торгующие музыкой. Например, фирма «Союз», крупнейшая музыкальная сеть, сегодня на грани банкротства. Сегодня люди просто не покупают музыку на носителях.

Значит ли это, что люди стали слушать музыку меньше? Нет. Даже более того, они стали слушать, возможно, больше, потому что сейчас возможность получить все находится на расстоянии клика. И то, например, на что я раньше тратил деньги как меломан, чтобы найти ту или иную запись, сейчас не представляет никакого труда. Поэтому, естественно, меняется модель поведения.

В первую очередь, меняется модель поведения слушателя, все остальные участники рынка должны под это перестраиваться. Те, кто перестроится, в том числе и творцы, будут жить, будут творить. Я думаю, что мотивы, по которым люди приходят в музыку, сегодня такие же, как и десять лет назад, двадцать лет назад, тридцать лет назад. Это те же самые мотивы, по которым люди приходят в профессию. Кто-то приходит из-за денег, кто-то приходит, потому что любит это, кто-то оказывается талантом. Все остальное — это пропорции.

И по поводу музыки. С моей точки зрения, музыка — это некая коллективная эмоция. И эти эмоции таковы, какими являемся мы. То есть это некий диагноз тому, что мы собой представляем как общество, тому, что с нами происходит.

В отношении того, могут ли появиться Beatles в России или нет, у меня есть собственная теория. Она неутешительная. Когда появились Beatles, это был очень серьезный поколенческий слом. Закончилась мировая война. В Англии фактически появилось первое поколение, которое этой войны не видело, которое хотело радоваться жизни. Происходил технологический слом. Появились и распространялись средства коммуникации. И в это очень удачно попали Beatles, они стали в определенной степени флагом. И если говорить о Beatles, звучало слово «протест». Они были культурным бунтом по форме, но протестом по сути.

Если говорить об отечественной музыкальной культуре, то она выглядит чуть иначе. Скажем, в России нет культуры протеста, зато есть культура бунта. И в 90-е, когда был всплеск музыки, это был бунт по сути и протест по форме. Мне так кажется с точки зрения слушателя.

Виноваты или не виноваты компании в том, что музыка в кризисе? Отчасти да, как участники процесса. В этом в достаточно серьезной степени виноваты медиа. Сейчас есть Интернет, но, тем не менее, основным проводником к популяризации музыки как было, так и остается радио. Оказаться в эфире радиостанции очень сложно. Для артиста с улицы — задача практически нереальная. И это одна из серьезных причин, по которым будут нужны звукозаписывающие компании. В том числе — чтобы контактировать с медиа. В том числе — чтобы заниматься юридическими делами, вести бухгалтерию.

Вся ли музыка в кризисе? Далеко не вся. Концертный рынок в России растет. Москва сегодня в состоянии платить гонорары, которые порой превосходят мировые гонорары за кассовые концерты.

А. Троицкий:

Особенно на частных корпоративах.

А. Козин:

В том числе и на корпоративах. Но даже если говорить про кассовые концерты, московский и петербургский рынок промоутеров перегрет до невозможности. Промоутеров больше, чем артистов. Зарабатываемые деньги пускают в ценовую конкуренцию, вместо того чтобы развивать инфраструктуру. Вот где сейчас «клондайк», вот где сейчас деньги. Культура виртуализируется усиленными темпами, и вместе с этим возрастает ценность прямого физического контакта, чем являются те же концерты.

Молодым музыкантам в России сегодня тоже в достаточной степени тяжело. Не так тяжело, как двадцать или тридцать лет назад, но тем не менее для того чтобы заниматься музыкой в России, к сожалению, надо заниматься еще много чем другим. И это в определенной степени приговор мастерству, приговор исполнительскому уровню, поскольку в то время, которые люди могли потратить на то, чтобы развивать себя, они решают какие-то другие вопросы. Возможно, я идеализирую Запад, но там, из моего общения с коллегами, с музыкантами, для того чтобы заниматься музыкой, достаточно все-таки просто заниматься музыкой.

А.Троицкий:

Спасибо, Алексей.

Алексей затронул несколько очень важных тем, которых предыдущие ораторы не касались. С одной стороны, это тема музыкальных медиа, с другой стороны, это тема концертной деятельности.

Если говорить о музыкальных медиа, я боюсь, что ситуация в России действительно очень сильно отличается от общемировой, потому что хуже музыкальных медиа, чем в нашей стране, я думаю, нет вообще нигде. В частности, хуже музыкального радио, чем в России, я не слышал нигде. Оно настолько плохо, что оно даже хуже, чем музыкальное телевидение. И это

плохо. А хорошо то, что я категорически не согласен с Алексеем в том, что радио сейчас имеет какое-то значение. Радио не имеет значения для огромного количества музыкантов. В нашей стране вообще — это я рассказываю скорее не вам, потому что вы и так все это все знаете, а нашим иностранным гостям — музыка предельно поляризована. У нас в музыке фактически нет мейнстрима, среднего класса. У нас есть либо Eurovision Song Contest, то есть то, что «гоняют» по федеральным телеканалам — огромное количество абсолютно бездарных артистов, поющих песни бездарных композиторов, причем даже не поющих, а открывающих рот под фонограмму, часто записанную другими артистами. И это та музыка, которая официально считается нашей поп-музыкой, и она или живет на телевидении, или деньги делаются на частных вечеринках-корпоративах, которые, опять же, являются абсолютно уникальной чертой нашего музыкального бизнеса. Нигде в мире больше нет такой ситуации, когда большую часть своих доходов вся поп-элита получает не за счет чего бы то ни было (продажи носителей, публичных концертов, мерчандайзинга), а за счет того, что они выступают перед небольшими группами людей, которые стоят в это время к ним спиной и едят устрицы. Это факт, с которым не поспоришь.

Так вот, один клан наших артистов живет во вселенной, обозначаемой этими двумя координатами: федеральное телевидение и заказные корпоративные концерты. И вторая, большая, несравнимо более интересная часть нашей музыки, которая живет в Интернете, в клубах и которая еще, слава Богу (спасибо таким людям, как Алексей), выходит на аудионосителях.

Для этой второй части радио совсем не важно. Я сам работаю со многими артистами, и должен сказать, что они не хотят ни на радио, ни на телевидение, потому что их аудитория, аудитория новой русской музыки, русского андеграунда, не смотрит телевизор — разве что иногда канал А-

Опе. Они вообще никогда категорически не слушают радио. Есть если им надо что-то слушать, они слушают интернет-стриминг, а никакие не наши радиостанции. При этом они неплохо себя чувствуют, поскольку концертная деятельность в нашей стране действительно развита очень неплохо. И когда артисты начинают жаловаться на то, что пираты у них отняли копеечку, им всегда можно сказать: «ребята, давайте-ка, не надо лениться, выходите на большую дорогу, стряхните пыль со своих гитар и зарабатывайте себе деньги». И сейчас я хотел бы предоставить слово Анастасии Курехиной, которая среди нас не только одна представительница прекрасного пола, но она и единственная, кто активно занимается именно концертным промоушн. Она руководит Центром современного искусства имени Сергея Курехина в Санкт-Петербурге и регулярно проводит знаменитый фестиваль СКИФ и различные концерты и фестивали в основном альтернативной и некоммерческой музыки.

А. Курехина:

Наверно, мы тот самый андеграунд, про который говорил Питер Дженнер, потому что он должен быть, и мы как раз занимается некоммерческой музыкой, всеми ее видами и проявлениями. Это не то чтобы концертная деятельность, это скорее фестивальная деятельность. По-моему, продюсирование и поиск новых талантов на сегодняшний день является единственной действенной формой, потому что на фестиваль попадает очень много публики, и на фестиваль как приезжают звезды, которые тянут за собой эту публику, так выступают и совершенно никому не известные талантливые молодые ребята. И многие из них впоследствии становятся популярными. Это и первое выступление на большой сцене, и возможность быть замеченным, что очень важно. С появлением центра Сергея Курехина мы расширились, у нас прошло уже шесть фестивалей в разных областях. Это не только рок-музыка. Это мультикультурный фестиваль СКИФ, где

присутствует и worldmusic, и рок, и импровизационный джаз, и электронная музыка. Отдельно отпочковался фестиваль электронного искусства «Электро-механика», фестиваль этно-музыки «Этно-механика». Для любительских фильмов мы сделали фестиваль «Метрополис», где происходит большой отбор, поиск новых талантов в области кино. Это фестиваль видеоарта, куда люди могут приносить свои произведения и кураторские программы. В целом, получается такая творческая лаборатория, абсолютно не связанная с фирмами грамзаписи и прочими магнатами шоу-бизнеса. Это просто творческая лаборатория, где, возможно, в конце концов, появятся талантливые люди, и их увидят.

Конечно, с появлением Интернета и развитием цифровой техники все улучшилось с точки зрения того, что возможности у талантов реализовать себя значительно увеличились. С одной стороны, здорово, что будет больше произведений искусства и шедевров, а с другой стороны, это такой объем, который кто-то должен переварить и отобрать. И здесь движение достаточно хаотическое, в котором все-таки выплывают сильнейшие.

Насчет артистов и того, что они приходят делать карьеру, я хочу сказать, что чисто финансовая мотивация в искусстве, на мой взгляд, абсолютно неправильна. Потому что люди, которые приходят заработать деньги — это, как правило, те самые средние поп-звезды, которые получаются при помощи продюсеров и различных фирм. А настоящий творческий человек, гений, то есть тот, кто способен создавать реальные произведения искусства, реальную мелодию, которую будут петь по всему миру, все равно должен мотивироваться чем-то другим. У него должно быть внутреннее горение, космическая энергия. На первых порах не надо заказывать специальную студию, хотя сейчас это легко организовать. Но со временем продюсирование все-таки должно присутствовать, чтобы донести идею до людей. Однако по-настоящему талантливые музыканты, мне

кажется, все равно видны и вырастают сами по себе, вне зависимости от каких-либо программ.

Кроме этого, конечно, для музыкантов все-таки очень важно признание. Для этого мы организовали премию в области современного искусства, где есть две музыкальные номинации: «Worldmusic» и «Электронное искусство». Конечно, для музыкантов это почетно и приятно. Результаты публикуются, событие освещается масс-медиа, которые не очень-то любят наше альтернативное искусство, если его так формально назвать. У нас очень большие проблемы как раз с телевидением и с радио. Единственная телевизионная компания, которая с нами дружит — это А-One. А радио — нет. В этой связи мы решили с осени запустить свое интернет-телевидение и свое радио, потому что радио, которое у нас существует, слушать невозможно.

Я думаю, что благодаря технологиям очень много меняется к лучшему. Хотя может быть, верна теория о том, что жизнь вообще ушла из музыки и теперь обитает где-то в других сферах. Возможно, она теперь в сфере науки и в мире новых технологий, и возможно, что Beatles нашего времени — это Стив Джобс или кто-нибудь еще. Мы люди практические, у нас есть центры, у нас есть рабочие программы, нас поддерживает Комитет по культуре, поддерживают различные европейские культурные фонды. И я считаю, что мы делаем правильное дело. Есть группы, которые стали популярными благодаря нам, поэтому я считаю, что мы работаем в нужном направлении.

А. Троицкий:

Анастасия Курехина.

Вот видите, даже идеалисты из Центра современного искусства много говорят о современных технологиях и собираются уходить в Интернет. У нас здесь тоже есть один оппортунист, который когда-то возглавлял

отличный немецкий рекорд-лейбл Motor Records. Его зовут Тим Реннер. А теперь из этого самого рекорд-лейбла он тоже, насколько я понимаю, ушел в какие-то новые облачные, цифровые сферы. И я хотел бы, чтобы он немного рассказал нам о том, почему он решил покинуть традиционную музыкальную индустрию и заняться новыми цифровыми авантюрами.

Т. Реннер:

Благодарю Вас. Нет, я не оставил свою классическую индустрию, чтобы перейти в цифровой формат. Я ушел из Universal, и теперь буду работать самостоятельно. Пять лет я командовал Universal в Германии, которая является глобальным лидером в музыке, и мне все это в высшей степени надоело. Они ничего не понимают, вообще не осознают никаких проблем. И поэтому все вышло из-под контроля.

Кевин не даст мне соврать, семь лет назад, когда я ушел из Universal, я понял, что контроль закончился. Крупные компании не могут ничего другого, если другие, допустим, себе это позволяют. Они не могут позволить себе потерять управление, и в то же время они теряют контроль над аудиторией. Они хотят запускать десять песен в месяц вместо того чтобы «крутились» три-четыре песни. Мы хотели оставаться богатыми, мы не хотели отдавать им свободу, хотя свобода стоит денег. Мы боролись за эту свободу. Вы в России прекрасно знаете, как и мы в Германии, что бороться против свободы очень плохо, свободу надо сохранять.

Мы хотели сохранить нашу замечательную старую систему, которая позволяла нам самостоятельно выбирать, что мы хотим слушать, читать, смотреть. В результате аккумулируется критическая масса ожидания выпуска какого-то продукта, и все бросаются и покупают одно и то же. Это неправильно. Поэтому мы стали прорабатывать свободу художника, потому что производить музыку в цифровом формате намного проще, чем это было

раньше. И сбывать благодаря «цифре» проще, и легче контролировать копирайт. Передавать тоже оказалось проще, чем ранее. Можно разместить в Интернете — и все, мелодия пошла в народ. То есть определенная свобода художнику предоставлялась, и мы продолжаем.

Поэтому я и ушел из классической индустрии — для того, чтобы сохранять свободу и, в то же время, чтобы автор мог контролировать свои же права.

Кстати, Кевин говорил о сервисной компании, то есть компании, которая получает права на воспроизведение. Я как раз семь лет назад задумался о том, что система изживает себя. И после того как в Universal решили пойти на сокращение моего бюджета на поиск новых художников и на мою интернет-деятельность на 50%, я понял, что это будет только через мой труп. Спасибо, не надо. Тогда они сказали: хорошо, пускай будет труп. И вот, чтобы не превратиться в труп, я перешел к созданию новой компании, которая создана и живет в условиях переходного периода.

Нам все равно нужны такие масс-медиа, как Light Radio. Это интернет-радио: мы сохраняем права за создателем, мы получаем их только в ограниченном масштабе. Я не буду их форматировать. Мы даже физически производим товар, если это нужно в интересах творца. Мы это делаем во имя больших немецких творцов, которые благодаря этому зарабатывают намного больше. Думаю, им не нужна целая звукозаписывающая компания, которую они будут кормить за свой счет. Мы это все делаем намного проще в цифровом формате. И это выгоднее для художника, который сохраняет права и свободу. Некоторые художники — бунтари и хотят продвигать какой-то контент. Хотя опять же, поп-музыка, популярность которой сейчас проходит, вызывает новые бунты. Представьте себе Led Zeppelin, Pink Floyd. Раньше все было лучше, чем сейчас. Вы слушаете всякую дрянь.

А. Троицкий:

А мне кажется, панк-рок был лучше, чем все остальное.

Т. Реннер:

Мне тоже так кажется. Панк-рок был лучше того, что сейчас слушает молодежь, но это не нам решать. Нынешняя молодежь тоже хочет стать независимой, и видимо, ей нравится музыка, которая нас раздражает. Моя дочь, например, пытается найти музыку, которая меня раздражает. Она даже кантри пробовала, а я только улыбался и не хотел с нею спорить.

Когда я был молодым и был панком, у меня всегда были проблемы с родителями. Они ругали меня, не понимали мою музыку, но потом вынуждены были ее принять. Так вот, дело не только в детях, а в том, что мы стали хитрыми в уличном смысле, когда речь идет о поп-культуре. Поэтому они стали убегать из-под контроля в компьютерные игры. И поэтому возникают проблемы. Видимо, это стресс. Они обращаются к еде в качестве терапии от стресса. Стресса от того, что родители не пускают их на рок-концерты. Нужны ли новые Beatles или нет, я не знаю. «Битлы» в свое время тоже плохо принимались старшим поколением. Да, нам, несомненно, нужна новая мятежная музыка, которую мы не понимаем.

А. Троицкий:

То есть если раньше мы хотели досадить своим родителям всякой громкой и хаотичной музыкой, то теперь мы досаждаем им тем, что перестаем есть. На самом деле, я согласен с Тимом, да и с Кевином, по поводу того, что на самом деле сегодняшняя музыка вовсе не так плоха. Я сам являюсь практикующим радио-диджеем, а также телеведущим, я слушаю очень много новой музыки. Я должен вам сказать, что на самом деле интересной творческой музыки сейчас полно. Она не слишком инновационная, то есть, нет таких прорывов, который были в предыдущие десятилетия, но эта музыка талантлива, и это главное. Соответственно, вопрос состоит в том, каким образом организовать для этой талантливой новой музыки, для

новых Beatles или новых Моцартов, эту самую «цифровую нирвану», о которой говорил Кевин. Насколько это возможно?

Поэтому сейчас я хотел бы перейти от критической негативной первой части к утопической второй части и выслушать мнения наших экспертов о том, что надо сделать для того, чтобы помочь музыке. Что надо сделать для того, чтобы помочь молодым талантам, что надо сделать для того, чтобы помочь нам, слушателям, лучше разобраться во всем этом половодье новой музыки?

В принципе, та ситуация, которая существовала раньше, была, конечно, намного более четкой. Когда были пластинки, музыкальное радио, музыкальная пресса, вся музыкальная жизнь была похожа на город, где есть улицы с названиями, со светофорами. Пошел налево, пошел направо — нашел то, что надо. Музыка в Интернете — это джунгли, причем джунгли в ночной период. Там вообще очень трудно разобраться. Навигация пока что практически отсутствует. Какой-то новый мировой правопорядок, связанный, скажем, с компенсацией для артистов, с оплатой роялти для авторов и так далее, опять же, еще не установлен. Все это нужно доводить до ума. Я хотел бы, чтобы наши эксперты высказали свои, по возможности, конкретные предложения, касающиеся того, что должно быть сделано, чтобы наступила новая золотая эра музыки. Питер?

П. Дженнер:

Я очень хорошо подготовился. У меня был список. Теперь у меня есть еще один список. Так что я чувствую себя очень умным. Я думаю, не о том, откуда возьмутся новые «Битлз» а какой будет их новая музыка?

Думаю, что музыка происходит из общественной среды и что она возникнет из комбинации нескольких факторов. Важная музыка приходит из глубин социальной ситуации. В конце советской эпохи, когда у людей было восстание против революции, у вас была сильная музыкальная традиция.

Я считаю, что музыка придет из новых технологий. Это означает, что люди будут делать записи дома и заниматься их всевозможной обработкой в домашних условиях. Я думаю, многое придет из возможностей «вырезать и вставить», с которой сотрудники звукозаписывающей индустрии традиционно борются как ненормальные — на их взгляд, это противоречит законам и порядкам, которые традиционно регулируют музыкальную индустрию.

Так что думаю, нам понадобятся новые законы и порядки, которые могут быть применимы к новой музыке. Я думаю, что она также придет из новых музыкальных традиций. Люди, поддерживающие эти порядки, сыграли большую роль в популяризации определенной музыки, которая приходила из Америки и которая не очень пришлась по вкусу нам в Великобритании.

В ней было много тяжелого R&B и характерного стиля Motown, и прочего в таком духе. И я думаю, с точки зрения таких мест, как Россия, она придет из народной музыки, от людей, которые ею пропитаны и которые исполняют ее с таким же отношением, как будто это лучшее из традиционного рока. Я бы сделал ставку на это.

Что до новых порядков и законов, эта проблема существует и у нас на Западе; мы должны найти между собой новые способы распространения музыки и нахождения денег, чтобы люди получали вознаграждение за то, что посвятили жизнь музыке. Вы должны иметь возможность зарабатывать на жизнь тем, что делаете, если вы хотите стать профессионалом. Если вы согласны довольствоваться любительской музыкой, в этом тоже нет ничего плохого. Но если вы хотите профессиональной музыки, нужно найти способ, чтобы люди могли зарабатывать на жизнь ее созданием.

И наконец, еще две вещи. Это может быть сочетание звука или музыки с чем-то еще, например, со зрительными образами. Опять же, мы говорили о «вырезать и вставить». Нас все возвращает к зрительным образам, как звук

и картинка или звук и монтаж, или звук и другие приемы. Думаю, «вырезание и вставка» откроют нам новые виды творчества.

И наконец, я думаю, что не нужно беспокоиться о языке. Лучшая новая музыка, которая придет из России, будет на русском. Я думаю, что если вы поете на английском и вы из России, то вам будет сложно. Если вы поете на русском языке, вы будете петь в другом ритме. Рок-музыку пели в основном на английском языке, потому что естественный ритм языка вписывается в ритм музыки. Я думаю, что в будущем появится много самой хорошей музыки не на английском языке, потому что она принесет не английские ритмы, не английскую музыку, и это будет свежо и ново для слуха, и увлечет молодое поколение. Вот и все по моему списку.

А. Троицкий:

Звучит очень ободряюще. Пожалуйста, Кевин.

К. Лори:

Да. Я хотел бы добавить еще одну вещь. Я думаю, что аргументы Питера довольно хорошо продуманы. Но Анастасия упомянула что-то, что я нашел совершенно верным. Я думаю, что когда творческий человек подключает свою космическую силу или свой внутренний голос и не волнуется по поводу всего остального, а просто слушает этот голос и находит отклик в своем поколении, он может стать настоящим явлением для своей аудитории.

Проблема с нашей текущей средой интернет-мира — в том, что каждый аспект жизни этого 18-летнего россиянина может быть потенциально доступен через Интернет, потому что они пишут в Twitter каждый раз, когда идут в туалет, или потому что кто-то другой делает это за них.

Я думаю, что половина проблемы для тех, кто искренне хочет поддержать эту новую космическую силу... Мы должны принять тот факт, что это

действительно космическая сила, явление, а не то, что показывают по телевизору... Было бы неприятно, если бы любой любопытный в Америке или России моментально узнавал о каждом действии Пола Маккартни, Джона Леннона, Джорджа Харрисона и Ринго Старра, например что они сели на диван и открыли пакет с чипсами. Раньше все, что у вас было о Beatles — это обложка пластинки. Все, что было — это телепрограмма Эда Салливана, которую нельзя было пропустить, так как ее не пускали в повторе. Надо было сидеть и смотреть. Мы рассматривали каждую деталь обложки пластинки и могли себе ее представить с закрытыми глазами.

Таким образом, мы открывались для своих космических сил. В будущем нужно подходить к этому более зрело, чем сейчас. Необходимо сделать шаг назад от полной информации к достаточной информации, потому что, откровенно говоря, если бы я знал о Джиме Моррисоне все то, что я знаю сегодня, я вряд ли бы им увлекался. Я бы, наверное, вообще перестал его слушать, потому что узнал бы, что он пнул свою собаку или что-то тому подобное, и я был бы разочарован, и моя космическая связь с ним бы прекратилась.

Так что, как люди, которые заинтересованы поддерживать российских музыкантов и которые работают на этом рынке, мы должны поработать над тем, чтобы сделать это талантливо, гуманно, и помочь музыканту показаться в загадочно-недосягаемом свете и грамотно сохранить этот имидж.

А. Троицкий:

Спасибо.

А. Курехина:

По-русски это называется «не дать таланту пропасть». Я хочу сказать, что, конечно, весь вопрос в том, кто этому таланту будет помогать. Я считаю,

что здесь должна быть огромная роль государства и различных культурных институтов, которые должны заниматься образованием, материальной базой, репетиционными и студийными точками и которые должны централизовать образовательные и творческие процессы.

Я недавно была в Швеции — рассказывала там о креативной индустрии и поняла, что единственное полезное, что происходит — это то, что там как бы засеивается большое поле, поддерживается большая материальная история: воспитательная, образовательная, продюсерская. И в этом засеянном поле, может быть, взойдет один росток, но он будет той звездой, которая состоится. Возможно, это правильная политика государства. Либо кто-то выбирает одну звезду, причесывает ее, одевает. Но это, по-моему, ложный путь. А вообще, мне кажется, кризис может быть в том, что деньги стали настолько над всем абсолютно довлеть, что они уже закрыли творческий момент и ту космическую энергию, которая должна быть, потому что это все не должно стильно зависеть от прибыли. В первую очередь, искусство должно процветать само по себе.

А. Троицкий:

Спасибо. Алексей.

А. Козин:

У меня есть рецепт для мира и для России. Начнем с России. Если говорить о музыке, у нас музыка — это та часть культуры, которая никакой поддержки не имеет. У нас есть государственная программа, которая поддерживает театры, есть государственная программа поддержки кино, не говорю сейчас о том, хороша она или плоха. Музыка не поддерживается никак. Нет даже никаких попыток это делать. А на самом деле было бы очень полезным, если бы, скажем, музыкальные станции были обязаны играть какой-то процент национальной музыки.

Теперь о непроплаченной музыке. Для молодого имени очень важно наличие шанса, чтобы этот шанс дала или хотя бы попыталась дать та же радиостанция, чтобы его дал какой-нибудь издатель. Дал хотя бы записать альбом, песню. Это очень необходимо. И проблема в том, что шанса подчас нет никакого. Если компания даст шанс молодым, ей это будет несложно, это не помешает ей продолжать зарабатывать деньги на тех именах, которые существуют. Это не помешает радиостанциям делать рейтинг на тех хитах, которые люди гарантированно хотят слушать. А со стороны слушателей будет очень здорово, если они не будут давать шанса плохой музыке оказываться в плейлистах, не будут слушать ее на радиостанциях. Тогда медиаиндустрии придется меняться под слушателей в лучшую сторону.

А. Троицкий:

А рецепт для всего мира?

А. Козин:

Рецепт для всего мира — как раз этот шанс для молодых.

А. Троицкий:

Понятно. Интересно, что мои соотечественники — и Настя, и Алексей — судя по всему, возлагают очень большие надежды на государство, то есть надежд нет. Дикий капитализм в нашей музыкальной индустрии, конечно, сыграл достаточно жуткую роль, превратив ту вполне качественную и вдохновенную музыку, которая была в России, скажем, в 80-е годы, в выжженную поляну 2000-х годов. Соответственно, надежда на то, что появятся люди с хорошим вкусом, большими деньгами, не озабоченные денежными проблемами и помогут хорошим музыкантам, составят худсоветы хороших радиостанций и умаслят дензнаками центры

некоммерческого прогрессивного искусства и так далее. Лично у меня на это надежды нет вообще. Я считаю, что ничего из этого не получится, и рецепт этот прекрасный и справедливый, но крайне малореалистичный.

К тому же дело в том, что, как мне кажется, сейчас ситуация в этой «цифровой нирване» такова, что на самом деле и записать музыку, и выложить музыку очень и очень просто. То есть сейчас альбомы, которые продаются в огромных количествах и «клепаются» миллионами, записываются ребятами у себя дома в спальне, даже не в гараже. Все эти студии, Abbey Road и так далее — это мило, но это уже музейная история. Пусть там «Машина времени» записывается за большие деньги, а для новой музыки это вообще не требуется. Я думаю, что все намного проще. Я думаю, что инициатива должна исходить от самих музыкантов, от самих артистов. «Добрые дяди» из государства им не помогут. Я думаю, они их только наоборот «зажмут», если им не понравится, скажем, содержание песен, как это уже неоднократно бывало. Всю власть в музыке надо брать в свои руки.

Это мой рецепт, невзирая на все существующие традиционные институты. Если будут хорошие помощники, если, скажем, все рекорд-лейблы трансформируются, мутируют таким образом, чтобы из машин по эксплуатации артистов, зарабатыванию денег и маркетингу превратиться в прозрачные и очень альтруистичные организации, для которых доход является скорее побочным продуктом, а главное — если предоставить слушателям, миллионам и миллиардам любителей музыки этот сервис, то деньги, я уверен, придут сами собой. Это будет естественно, они придут натуральным путем. Главное, чтобы сервис был действительно хорош, прозрачен, дружелюбен, и тогда все будет хорошо. Поэтому вся инициатива должна исходить от артистов. Это мое стопроцентное убеждение.

Еще не высказывался Тим.

Т. Реннер:

Я полностью согласен. Все это зависит от музыкантов, будь то плюс или минус. Плюс в том, что музыканты не должны быть политически корректными. Деньги вообще не должны быть для них первостепенным приоритетом, а тут вдруг у них в руках оказались все эти инструменты, которые помогут им изменить ситуацию.

Так что я с Вами абсолютно солидарен. В этой области обращаться к политикам за помощью опасно, потому что если вы говорите, что хорошая музыка идет из желания протеста, бунта поколений, то вы просите систему поддержать «антисистему», а это трудно для обеих сторон. Если ты затеваешь революцию и просишь поддержки у тех, против кого ты восстаешь, это опасная стезя как для одних, так и для других. Поэтому такой подход обычно не работает.

Я думаю, музыканты сами для себя могут это решить. Музыкант должен грамотно играть во все игры. Я не боюсь уравнивать космическую силу, как Кевин. Если по-честному, Beatles были первой известной мне группой, которые сняли столько фильмов, играя самих себя. Они были действительно очень «прозрачными». Жена Пола Маккартни Линда Маккартни была фотографом, и он публиковал даже очень личные снимки.

Никто не будет сидеть за спиной другого человека и посылать «твиты» о том, что он в туалете, если этот человек не знаменитость. Это полностью зависит от ловкости СМИ. Молодое поколение может легко справляться с ситуацией и не теряться в джунглях Интернета, как говорил Артемий. Когда я смотрю на своих детей, то не замечаю, чтобы они часто терялись в Интернете — они могут сосредоточиться на том, что делают, и в значительной степени находить то, что ищут.

С другой стороны, от нас, родителей, зависит, научили ли мы их идеалам, грамотным способам проявить себя как личность, так как они в любом

случае делают это через Интернет. В наше время это является неотъемлемой частью работы музыканта.

Мы не должны позволить, чтобы звукозаписывающие компании старого типа и публика извратили использование частной жизни так, как они это делают сейчас — не благодаря Интернету, а благодаря музыкальным компаниям, которые стоят за такими телепрограммами, как «В Британии есть таланты». Это на самом деле сильно повредило музыке, потому что пострадала связь с космической силой, с внутренним голосом.

И хочу добавить еще одну вещь, в которой я полностью согласен с Питером. У музыкальной индустрии есть колоссальная возможность отойти от доминирования со стороны англо-американского рынка. В прошлом по уважительной причине дела обстояли так, что мы, как руководители компании в Германии, чувствовали необходимость заниматься в первую очередь англо-американскими исполнителями, затем своим собственным материалом, а напоследок — исполнителями, которые были бы интересны, к примеру, российской публике. Сейчас благодаря Интернету все совершенно меняется.

Я полностью согласен с Питером, что очень важно, что именно вы привносите в мир поп-музыки, ваш стиль, и иногда даже ваш язык. Rammstein — одна из успешных групп, выпущенных на Motor. Вы, наверное, слышали о Rammstein.

Я не могу перечислить, сколько раз иностранные коллеги мне говорили, что Rammstein надо петь на английском языке, но они на это не пошли. Говорили, что их звучание должно быть более приемлемым для радио — они на это тоже не пошли. Они звучали как brutальные немцы, поющие на немецком языке. И это было именно то, чего от них ожидал мир.

А. Троицкий:

Да, Rammstein все помнят, наверное. Питер?

П. Дженнер:

Хотел бы добавить пару вещей о языке. Первое: когда я был совсем молодым, в Великобритании были очень популярны два исполнителя: Шарль Трене и Шарль Азнавур — они пели на французском языке. А все думают, что в англоязычной стране не могут быть популярны зарубежные хиты. Они были очень, очень популярными певцами. Как Жюльетт Греко, так и другие исполнители, поющие на французском, были очень, очень популярны в пятидесятые.

Второе, что я собирался сказать? Я хотел еще что-то сказать, но уже, наверное, вылетело из головы. Я вспомнил! Не нужно забывать, что самые влиятельные деловые люди в музыкальном бизнесе 60-х были одними из самых крупных из когда-либо живущих мошенников. Они были жадными, они заключали жульнические сделки, они обкрадывали музыкантов. Но они инстинктивно знали, что будет продаваться и чего хочет публика.

Я имею в виду Atlantic Records и таких людей, как Брайан Эпштейн, Аллен Кляйн и Анджело Голдман. Некоторые из этих персонажей были настоящими преступниками, не забывайте. Так что, может, нам нужны серьезные аферисты, которые обнаружат серьезные, но наивные таланты, обворуют их, чтобы те подали на них в суд, разорвали контракт и стали «новыми Битлз». Beatles обкрадывали.

А. Троицкий:

Это не обязательно. Можно было и почище все сделать.

Что же, друзья, спасибо большое. На самом деле, я, честно говоря, не вижу тут ни одного из организаторов. На своих лекциях я привык давать возможность задавать вопросы. У нас еще есть время? Я хочу сказать, что, по-моему, наша дискуссия прошла в общем и целом в очень оптимистичной тональности.

У меня, например, сложилось такое впечатление, что дела с музыкой обстоят вовсе не так мрачно, как это можно было бы предположить, ведя обсуждение с музыкальными профессионалами. Судя по всему, на самом деле эта цифровая революция, которая, конечно, создала абсолютно новую ситуацию в музыке, в каком-то смысле вернула ее в доисторические времена, или хотя бы в XIX век, когда единственным способом приобщения человека к музыке было прямое непосредственное общение, то есть на концерте.

Сейчас, пожалуйста — такое же прямое приобщение к музыке, только уже не в салоне графини и не на городской ратушной площади, а через Интернет, но опять же без посредников, прямо и непосредственно. Это прекрасная и очень честная ситуация, и надо просто не дать ей испортиться и помочь ей и управленчески, и технологически. Я думаю, что тогда будет неплохо, и всякие новые Beatles будут не за горами. То есть сейчас все самое интересное в музыке происходит не в самой музыке, а вокруг музыки. Как только эта цифровая буря успокоится, я думаю, что самим музыкантам можно будет начать обрабатывать эту новую образовавшуюся поляну. Нам говорят, что у нас еще есть время для пары вопросов. Мы к вашим услугам. Есть вопросы?

Т. Хаммарен:

Здравствуйте, меня зовут Тимо Хаммарен, и у меня вопрос к Кевину и Алексею. В России существует несколько больших интернет-сайтов, как «ВКонтакте», где можно искать, загружать, слушать в сети и делиться музыкой. И у нас при этом не всегда имеются в наличии соответствующие разрешения от правообладателей.

Это хорошо для пользователей таких сайтов и не очень хорошо для звукозаписывающих компаний и исполнителей, которые не обязаны

полагаться на корпорации, о которых вы упомянули. Что ваши компании думают о такого рода услугах?

К. Лори:

Алексей, Вы первым ответите на вопрос?

А. Козин:

Спасибо большое за вопрос. На самом деле, он очень актуален. В дискуссии о том, должна ли музыка стоить денег или не должна, нет единой позиции, как среди правообладателей, так и среди аудитории. В России очень тяжело заставить человека за что-то заплатить. И моя позиция в отношении того, должны ли загрузки стоить денег, как это должно определяться, следующая. Мне кажется, что должна быть ситуация, при которой возможны все модели, регулируемые, с одной стороны, правообладателями, чтобы у них было право определять, надо ли торговать контентом или предоставлять его к свободному доступу, и с другой, чтобы в принятии этого решения мог участвовать непосредственно сам творец.

А. Троицкий:

Спасибо.

А. Курехина:

Был опыт, когда в Интернете можно было не только купить музыку, но и просто ее скачать. Если ты хотел, ты мог платить. Не хочешь — не платишь. По-моему, с моральной точки зрения это очень правильно: пользователи делают свой выбор, стоит эта музыка денег или нет. И какие-то деньги поступают. Я знаю это из личного опыта. И если в России платит большее количество людей, но понемногу, то в Америке, например, платит

меньшее количество, но в пять-шесть раз более крупные суммы. Такие механизмы к тому же морально очень правильны, как мне кажется.

А. Троицкий:

Спасибо.

Из зала:

У меня вот какой вопрос. Сегодня много говорилось о меняющейся индустрии музыки, а что происходит с личностями в музыке? Не помельчали они? Ведь музыка — это все-таки продукт персоналий, и почему-то кажется, что если раньше были такие гранды, как Мик Джаггер или Пол Маккартни, то сейчас личностей такого же масштаба в музыке нет. Как Вы можете это прокомментировать? Так это или нет? Видите ли Вы, что люди, которые создают современную музыку, настолько же интересны, насколько те, что создавали классическую музыку двадцать, тридцать, сорок лет назад?

А. Троицкий:

Мое мнение таково, что то, что раньше были гиганты, а теперь люди среднего роста — это оптическая иллюзия. Я думаю, что современные артисты, в том числе и молодые артисты, тоже очень талантливы, и масштаб их личности тоже вполне впечатляет. И проблема тут, скорее, в том, что сама роль музыки в то время была монументальной. И даже в отношении Джима Моррисона, о котором упоминал Кевин, мы сейчас, может быть, понимаем, что на самом деле он был средним поэтом, дурным актером и прочее. Но в конце 60-х годов он был богом, поскольку его создала мистика того времени. Я думаю, это же касается и Beatles, и Rolling Stones, и других. Я не хочу их этим как-то уменьшить. Я просто хочу сказать, что музыканты с тех пор хуже не стали.

К. Лори:

Я хотел бы также сослаться на то, о чем уже упомянул Тим — это гнев и протест против поколения родителей, через которые проходят подростки. Я думаю, что эти эмоции всегда побуждали к созданию музыки. Beatles, по сути, начинали как банальный «бой-бэнд», который был создан, скорее всего, в попытке пробиться в средствах массовой информации.

Я имею в виду, что песня «I Wanna Hold Your Hand» ну никак не может похвастать заумным текстом. На мой взгляд, они пытались что-то заработать, пробиться, добыть средства на пропитание и как-то прожить. Они развивались, их, скорее всего, обкрадывали, как говорил Питер.

Но они эволюционировали в мятежный голос своего поколения. И когда они почувствовали власть и воспользовались ею, чтобы показать средний палец своим родителям и их поколению, они решили поступить именно так.

Я думаю, что именно поэтому они так развернулись и стали пользоваться таким успехом. По-моему, очень важно достичь такой глубины и ее донести.

Возвращаясь к точке зрения Тима, есть такая молодая девушка, ее зовут Zaz. Она француженка, маленькая такая, хрупкая. Она поет на французском и стала громадной звездой в Германии, где только в прошлом году было продано почти 200 000 носителей, старомодных носителей, и сейчас она набирает популярность здесь, в России. Такая худенькая миниатюрная девушка, которая раньше пела на улицах Марселя. Если ее послушать, можно подумать, что это Эдит Пиаф, и люди проводили такие сравнения.

Но она показала средний палец ТВ-формату. В своих текстах она говорит более важные вещи, чем «I Wanna Hold Your Hand». Есть женщины, которые стоят «на панели», но которые не должны стоять «на панели». Тексты ее песен берут за душу, мурашки бегут по коже, и от ее музыки слезы наворачиваются на глаза.

Думаю, она именно такой эмоциональный посыл и закладывает, и поэтому ей есть что сказать и французам, и немцам, и возможно россиянам. Я искренне надеюсь, что «новые Битлз» появятся именно из России, этой замечательной страны с населением в 140 миллионов творчески и эмоционально заряженных человек. Так может и должно произойти, я твердо в этом уверен. На русском, английском, французском или любом другом языке, на котором они решат выступать.

А. Троицкий:

Олег Румянцев.

О. Румянцев:

Я, во-первых, хочу поблагодарить тебя, Артемий, и всех участников панели за совершенно блестящий круглый стол. Это свежая струя на этом Форуме, и дай бог, чтобы эта струя расширялась. Во-вторых, я хотел бы воспринять музыку, а мы говорим о поп- и рок-музыке все-таки не как о части госзаказа и не как части продукта нашего дикого капитализма, от которого ждать ничего хорошего не приходится, а как о части гражданской культуры.

В свое время, когда мы с тобой в 80-е годы были частью этой культуры, и политические неформалы, гражданские инициативы, музыкальные инициативы совпали с Петром Мамоновым и с Ленинградским рок-клубом, и с Курехиным. Итогом стала смена системы. Сегодня я с удовольствием слушаю твои передачи, передачи Коли Арутюнова, Бориса Гребенщикова на радио. Но все это просто меркнет на фоне этого абсолютно подавляющего опопсения, которое ведет к одичанию. Идет процесс превращения социальной общности в биологическую. В общество безумного потребления. И в этой связи мой вопрос: что может сделать музыка как часть гражданской культуры в борьбе против этого одичания,

что она может сделать для того, чтобы гражданское чувство было на первом плане? «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Ты сказал об Интернете что там и музыка хорошая, и люди голосуют. Я сегодня видел рейтинг, опубликованный РБК: «Кого бы вы избрали президентом?» 20% интернет-сообщества проголосовало бы за Навального, остальные кандидаты где-то далеко позади. Эти вопросы связаны друг с другом, как ты видишь. Поэтому мой вопрос, конечно, прежде всего, к двум революционерам: к тебе и к Тиму Реннеру, с блестящими выступлениями которого я согласен. Как вам кажется, что можно сделать, чтобы музыка как часть гражданской культуры вела к возрождению гражданственности?

А. Троицкий:

Спасибо. Для тех, кто не знает, я скажу, что Олег Румянцев — это один из трех авторов той конституции, по которой сейчас живет наша страна. На мой взгляд, музыканты, в принципе, ничего не должны. Они не должны быть политизированы, но они и не должны быть аполитичными. Они должны быть самими собой. Они должны быть искренними и честными, талантливыми в своих высказываниях, в своей музыке, в своей лирике. Больше от артистов, музыкантов, я считаю, требовать ничего не надо. Они не политики, они не управленцы, но, несомненно, они как граждане имеют право на любую гражданскую позицию. Единственное, что я бы посоветовал музыкантам, — это чтобы они ничего не боялись. К сожалению, в нашей стране все деятели культуры — и музыканты, и актеры, и режиссеры — слишком сильно экономически зависят от государства, от корпоративов, от госзаказов, от финансирования, от ремонта театра и прочее, и прочее. Зависят очень сильно. Поэтому они почти все, за достаточно редкими исключениями, работают на полусогнутых ногах и занимаются постоянной самоцензурой: «как бы не получилось так,

что мы войдем в какой-нибудь черный список». Я считаю, что это главная проблема. Этого не надо бояться. Надо быть честными, и я думаю, что государство на самом деле не так уж страшно. А уж если оно действительно вас включит в черный список, то потом найдется огромное количество белых списков, где вас примут с распростертыми объятьями. И гораздо более симпатичные люди.

Т. Реннер:

Я думаю, что музыкантам нужно постараться не думать о деньгах. Они и так уже в значительной степени имеют дело с людьми, которые думают только о деньгах.

Когда говорят о старых временах, о рок-сцене Ленинграда в 70-е годы, то, кто бы ни организовывал рок-клуб или выступление, определенно в те годы он делал это не за деньги. Это был человек, у которого было призвание что-то делать в музыке. То же самое относится даже к «мошенникам» на Западе, о которых упоминал Питер. Они, конечно, тоже делали это за деньги, но у них было большое, страстное увлечение музыкой, и двигало ими именно это.

Когда я работал в Universal, один из моих боссов был бывшим продавцом автомобилями, другой был из рекламного агентства. Они не слишком любили музыку, им было интереснее оптимизировать бизнес. Мне часто приходилось иметь дело с музыкантами, прослушивать «черновые» фонограммы, и иногда меня посещало озарение, а потом я уже в студии слушаю последний трек, и говорю: «Эй, постойте, а где же то классное гитарное соло, которое здесь было раньше?» А они радостно смотрят на меня и говорят: «Мы его убрали, потому что иначе его не возьмут на радио».

Так что многие исполнители сами ставят крест на своих произведениях, потому что готовы идти на компромисс с системой. А поп-музыка не должна

быть компромиссом. Поп-музыка — о борьбе с системой. Пожалуйста, поймите это.

П. Дженнер:

Я думаю, что если молодые люди разозлятся или захотят что-то изменить, или они почувствуют, что они должны выразить себя, это проявится в музыке. Если вам повезет, то музыка это прекрасно выразит. Я думаю, что всегда будут исполнители, которые просто хотят играть музыку, но вынуждены зарабатывать на жизнь и как-то крутиться, чтобы подработать.

К большим переменам в музыке приводят социальные движения. К примеру, когда говорят о Beatles, всегда учитывают то, что они появились в послевоенное время. Pink Floyd вышел из психоделической эры. Панки пришли из времени озлобления. Я думаю, так это и произойдет.

Сейчас многое меняется, и я думаю, в определенный момент где-то в России появится группа людей, которые будут сильно раздосадованы и раздражены по поводу всего происходящего. Это, вероятно, будет по-настоящему серьезная музыка. Но мало им не покажется. Зато люди, скорее всего, за ними поднимутся. Хотя, может быть, это звучит излишне оптимистично.

А. Троицкий:

Спасибо. Большое всем спасибо. Я думаю, у нас получилась замечательная беседа.

Это все благодаря вам. Я также хотел бы поблагодарить переводчиков, потому что мы, конечно, говорим не о таких скучных, формальных и повторяющихся вещах, как все остальное на Форуме. Спасибо.